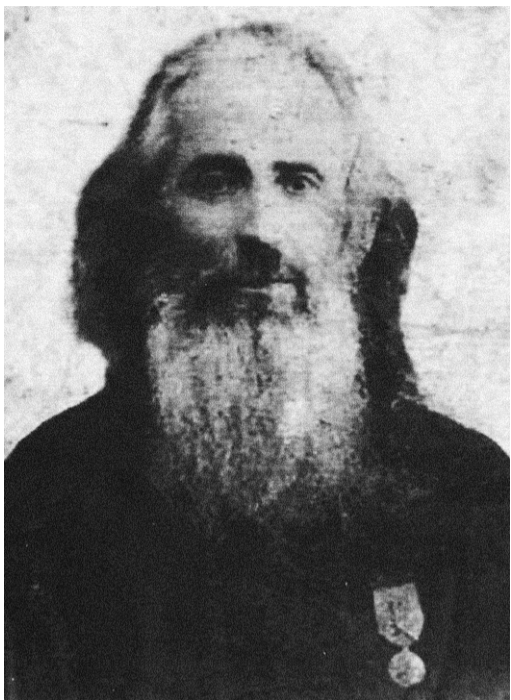

Из воспоминаний

Моя мама — дочь священника

Протоиерей Александр Соколов — отец моей мамы, был последним священником в Васильевской церкви до революции. Деда раскулачили, отослали неизвестно куда, потом он вернулся. Раскулачили не за богатство, его как раз и не было, жили бедно, за веру его сослали. Потом наш дом снесли. Дед умер, к сожалению, не помню, в каком году. Я сама с 47-го года. Что я помню, это все по рассказам старшей сестры Евгении. Дом наш стоял как раз на этом месте (сейчас здесь многоэтажка). Женя, сестра старшая, была с 24-го года, а брат на 5 лет младше.

Сын отца Александра, мой отец Василий, был конюх. У него были братья Николай, Сергей и Егор. И моя мама воспитывала всех младших братьев мужа, потому что матушка о. Александра Елизавета умерла очень рано. Моя старшая сестра Евгения деду помогала, и на службы в храм ходила, она намного старше меня была. Нас было у матери 6 человек, я и брат самые маленькие, послевоенные.

Мама веровала в Бога. Я помню, как церковь ломали, училась я в классе 4-м или 5-м. Приехали чужие люди снимать все колокола. И осталась наша церковь без колоколов. А потом мы услышали, что поехали эти мужчины после того в сторону Хотьково и машина у них перевернулась. Сами они упали в пруд и все трое утонули. В тот самый день, когда колокола сбросили.

Сестра моя Женя воевала, но рассказывать о войне она не любила. Мы все звали ее крестной. Она брата моего крестила, который с 45-го года. Мы ее часто спрашивали: «Крестная, как там на войне?» Махнет рукой, уж лучше не спрашивайте! Никогда о войне не говорила, только отмечала, что русские солдаты к девушкам относились очень хорошо, даже берегли и помогали. И то, что сегодня в фильмах показывают про военные «романы» —

это ложь и выдумки. Женя всю войну была связисткой, дошла до Берлина. Она после армии работала почтальоном, в Хотьково, на почте. Была у нее семья, это после войны. Две дочки у нее и сейчас живут в Хотькове. Все давно взрослые.

А мама моя, Антонина Кузьминична Соколова, девичья фамилия Агафонова, работала здесь, в Васильевском колхозе, занималась полеводством. Мама с отцом никогда не ругались, за всю жизнь мы такого не слышали, жили очень дружно, такой вот пример добрых взаимоотношений нам подавали. Воспитали шестерых детей, а четверо умерли маленькими. Отец, Василий Александрович, заболел сильно и умер рано, в 52 года.

Мама про деда (священника) говорила, что он был человеком очень честным, чужого никогда в дом не приносил. Кстати, все родные братья деда тоже были священниками и служили в разных храмах. Умер он в 30-е годы, похоронен на нашем кладбище. А бабушка моя, жена его, матушка Елизавета, похоронена была возле церкви здесь. Только могилок ведь теперь нет, сравняли с землей в советское время и клуб построили. А дедушка сам в Ярыгино похоронен на деревенском кладбище. Так на табличке и написано:

«Протоиерей Александр Соколов». У нас и мать, и отец там же лежат, рядом с дедом.

Корсакова (Соколова)
Екатерина Васильевна
внучка о. Александра Соколова

Таинства веры подобны солнцу; непроницаемые в существе своем, они озаряют и животворяют тех, которые шествуют во свете их, в простоте сердца; они ослепляют только дерзновенное око, желающее проникнуть в них.

Блаженный Августин

История и судьбы человеческие

Корни рода моего

В памяти каждого человека некоторые мгновения из прошлого запечатлеваются столь ярко, что и долгие годы не в силах стухнуть. Вот эти мгновения как живые картины часто всплывают перед глазами Евдокии Михайловны Мухортовой, в Васильевском многие зовут ее ласково — баба Дуся ...

Евдокия Михайловна: Страшное случилось, когда мне было лет 12. И сейчас, как будто наяву все это вижу. В тот день был какой-то советский праздник, то ли 1 мая, то ли еще какой, забыла. Помню, мы с дочками маминой сестры тети Тани Ниной и Леной лежали на русской печке, когда в дом зашли двое мужчин с женщиной. Бабушка Степанида, на сундуке сидела, пряла пряжу за деревянной прялкой. Дедушка Степан был одет в косоворотку, на груди его был большой священнический крест, в это время он на деревянной скамейке за столом сидел и читал нам вслух Евангелие. За спиной у деда во всю стену было большое распятие (из металла, очень красивое и яркое), на нем Иисус Христос. В красном углу было много икон старинных.

Вот женщина эта в сапогах подходит с порога прямо к бабушке, схватилась за прялку, и спрашивает: «Ты что, не знаешь, какой сегодня праздник?!» Бабушка ей отвечает: «Да вроде, сегодня никакого праздника

нет». Тогда женщина со злобой выхватила из рук бабушки прялку и стала ее разбивать. А двое других подошли к дедушке, вырвали из рук Евангелие и показывают на дедушкин крест, который на груди его висел: «Снимай!» Дед им ответил: «Если и снимете, в душе-то у меня он все равно останется!» Тогда они ему приказали срывать распятие со стены. Дед снова отказался. И вот эти двое зашли тогда к дедушке за спину и подняли со скамьи. И прямо к распятию его потащили, раскинули руки, распяли. Нашлись у них откуда-то два ржавых гвоздя и дедушке начали прибивать руки. Я помню, как потекла кровь из дедушкиных рук...

Мы с криком все соскочили с печки. Я от ужаса кинулась к женщине и укусила ее за ногу. А она с таким остервенением своей ногой в сапоге меня долбанула, что я отлетела к печке. К сожалению, мне тогда повредили голову (с тех пор у меня всю жизнь она болит, иногда очень сильно), не помню хорошо, что было дальше. Кажется, моя сестра Нина, она тоже громко кричала, бегала звать кого-то на помощь. И потом эти трое ушли. Кто потом деда снимал, тоже не помню. А дедушка был уже старенький, седой. До этого дня ни разу я не видела, чтобы он на что-то жаловался или когда-то болел. Но после случившегося

его разбил паралич, он пролежал больной около 12 лет и умер. И как же мне было его жалко, он очень добрый был. Похоронили его в Оренбургской области в поселке Медвежовка, где мы тогда жили.

А жили мы очень бедно. И отцовы родители жили бедно. Отца моего звали Михаилом. Маму — Елена. Она была родом с 1914 года, а дедушка Степан родился, конечно, еще в XIX веке: мама в семье была самая младшая. Были у деда всего четыре дочери. Жену деда, бабушку мою, звали Степанида. Дед Степан был православный священник. В какой церкви он служил, я уж не помню. А бабушка Степанида умерла, когда мне было лет 17.

Ой, жизнь-то моя была тяжелая: до сих пор толком читать не научилась, все работала. Закончила, наверное, полтора класса — ни одеть, ни обувь ведь мне нечего было. У матери нас восьмеро было. Сестры и братья выучились, а я так и не успела. Кормилец наш ушел на трудовой фронт и работал на лесоповале 7 лет. А мы все одни и одни. Есть нечего было. Как лето придет, начинали траву дергать, какие-то корни лечебные выкапывали. Сдавали их и получали за них или галоши литые, или овес — килограмма 2-3. Мать, бывало, овес просушит, просеет, протолчет и напечет — это праздничные лепешки у нас были, а их в рот не возьмешь, один устог. И мешки с зерном мне девчонкой приходилось ворочать на себе до 12 ночи. И по ночам приходилось работать. А все равно жили впроголодь. Хорошо, что у отцовых родителей бабушки Натальи

и дедушки Евлантия корова была.

В 18 лет (это был 56-й год) я уже покинула Медвежовку. Мне дали паспорт и я уехала работать укладчиком на железной дороге: ох, сколько несчастных случаев с людьми было в те годы, особенно в непогоду! Меня Бог миловал. Господь все время был рядом со мной, с самого детства. Пример был добрый перед глазами всегда. Бабушка Наталья всегда очень строго соблюдала посты. Даже посуда на пост у нее была отдельная. И нас держала в такой же строгости. Рыбные пироги только на Вербное Воскресенье и Благовещенье пробовали — это когда немного лучше жить стали. Была трудолюбивая, у нее всегда и везде был порядок, чистота. Дедушка Евлантий к нам был очень справедливый. С бабушкой они никогда не ссорились.

Бабушка Наталья чаще была молчалива, но иногда читала нам из Священного Писания. И рассказывала, что люди скоро станут жить как свиньи и будут детей своих поедать (символическое предсказание об абортах — ред.), мир весь будет в сетях, как в паутине, железные птицы станут летать, с неба падать и разбиваться, под самый конец людей даже некому будет хоронить. Евангелие она знала «от» и «до». Любую страницу откроет — сама на память нам и перескажет. Вот бабушки-то Натальи уроки и деда Степана молитвы меня всю жизнь и оберегают. Потому я всегда рядом с Богом.

Прихожанка
Васильевской церкви
Евдокия Михайловна Мухортова